

**Расследования в английском
стиле. Сборник
классического детектива**

Загадочные убийства, головокружительные интриги, опасные расследования и непредсказуемые повороты сюжета.

Стивенсовский Флоризель, принц Богемии и его верный шталмейстер, полковник Джеральдин. Арсен Люпен, прославивший блистательным сыщиком, способным разгадать любую загадку, найти злодея и спасти невинного. Гении дедукции из рассказов По, которые берутся распутывать мистические убийства и находят улики там, где стражи порядка лишь разводят руками. В этом сборнике собраны рассказы о сыщиках-профессионалах и любителях, неунывающих авантюристах, готовых браться за расследования даже самых безнадежных дел. Их не испугают темные улицы, тишину которых разрывает чей-то предсмертный крик. Эти загадочные убийства под силу распутать только настоящим талантам...

РОБЕРТ СТИВЕНСОН · ЭДГАР ПО
МОРИС ЛЕБЛАН · ШЕРИДАН ЛЕ ФАНЮ

РАССЛЕДОВАНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ СТИЛЕ

• СБОРНИК КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА •

Расследования в английском стиле

Сборник классического детектива

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

© Л. Ю. Брилова, перевод на русский язык, 2019
© Ак. Михайлов, перевод на русский язык, 2018
© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ISBN 978-617-12-7739-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Стивенсон Р., По Э., Леблан М. и др.

С80 Расследования в английском стиле. Сборник классического детектива : рассказы / Роберт Стивенсон, Эдгар По, Морис Леблан и др. ; пер. с англ. : Л. Брилова, А. Михайлов, В. Михалюк ; пер. с фр. : Ак. Михайлов. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 416 с.

ISBN 978-617-12-7466-2

УДК 82-32

Уважаемые правообладатели!

Мы приняли все возможные меры, чтобы найти вас и договориться о приобретении прав на использование в нашей книге переведенных вами текстов. Однако информация по этому вопросу отсутствует.

Пожалуйста, по вопросам предъявления авторских прав на перевод размещенных в книге текстов обращайтесь в издательство «Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» (тел. 057-783-88-89).

Перевод с английского: *Л. Брилова, А. Михайлов, В. Михалюк*

Перевод с французского: *Ак. Михайлов*

Дизайнер обложки *Евгений Вдовиченко*

Роберт Льюис Стивенсон

Клуб самоубийц

Рассказ о молодом человеке с пирожными

За время своего пребывания в Лондоне блистательный принц Богемии Флоризель среди всех слоев общества снискал славу своей скромностью и взвешенной щедростью. Судя по тому, что было о нем известно (а известна была лишь малая часть его деяний), он был замечательным человеком. Невзирая на безмятежность нрава в обычных обстоятельствах и привычку, подобно землепашцу, философски относиться к этому миру, принц Флоризель не был лишен определенного влечения к жизни более авантюрной и эксцентричной, чем та, которая была уготована ему от рождения. Иногда, когда им овладевало тоскливое настроение, когда ни в одном лондонском театре не шло веселых пьес или время года не подходило для тех активных занятий, в которых его высочество не знал себе равных, он призывал своего шталмейстера и наперсника полковника Джеральдина и велел готовиться к вечерней прогулке. Шталмейстер был молодым человеком храброго, если не сказать отчаянного склада. Подобные приказания всегда вызывали у него ликование, и он тут же убегал собираться. Немалый опыт и разностороннее знакомство с жизнью развили в нем необычайный талант к маскировке. Он мог подделать не только внешность и манеры, но даже голос и чуть ли не мысли человека любого положения в обществе, характера или национальности, благодаря чему ему удавалось отвлекать внимание от принца и проникать вместе с ним в самые неожиданные компании. Официальным властям не сообщалось об их тайных приключениях; невозмутимая храбрость одного и рыцарская преданность и

находчивость другого много раз помогали им преодолевать опасности, и со временем они преисполнились полного доверия друг к другу.

И вот как-то раз мартовским вечером колючий снег со льдом загнал их в «Устрицу», кабачок, расположенный в двух шагах от Лестерсквер. Полковник Джеральдин был одет и загримирован под пребывающего в стесненных обстоятельствах человека, связанного с прессой, в то время как принц, как обычно, изменил внешность при помощи фальшивых усов и пары густых накладных бровей. Это придавало ему грубоватый вид человека, познавшего превратности судьбы, что, при заложенной в нем от природы внешности, делало его совершенно неузнаваемым. В таком обличье принц и его спутник и засели за бренди с содовой.

Посетителей в кабачке было много, как мужчин, так и женщин, но, невзирая на то что многие из них были не прочь поговорить, при ближайшем знакомстве никто из них не вызвал интереса у наших искателей приключений. Все присутствующие были типичными самыми заурядными представителями лондонского дна. И вот, когда принц заскучал и уже начал позевывать, створки двери разлетелись в стороны и в кабачок вошел молодой человек в сопровождении пары слуг. В руках каждого из слуг был большой, накрытый крышкой поднос с пирожными. Едва они переступили порог, крышки были сняты и молодой человек стал обходить по очереди всех присутствующих, с подчеркнутой учтивостью предлагая каждому эти сладости. Кто-то со смехом принимал его угощение, кто-то твердо или даже резко отказывался, и в последних случаях молодой человек неизменно съедал предлагаемое пирожное, сопровождая это более-менее шуточным комментарием.

Наконец он дошел и до принца Флоризеля.

— Сэр, — с глубочайшим почтением произнес он, кланяясь и одновременно протягивая ему двумя пальцами пирожное. — Не окажете ли честь совершенно постороннему человеку? За качество выпечки я ручаюсь, ибо с пяти часов я съел их уже ровно двадцать семь штук.

— Я привык смотреть не столько на сам подарок, — отвечал принц, — сколько на то, с каким чувством он мне преподносится.

— Чувство, сэр, — молодой человек снова поклонился, — самое издевательское.

— Издевательское? — повторил Флоризель. — И над кем же, позвольте узнать, вы намерены издеваться?

— Я заглянул сюда не для того, чтобы разьяснить свою философию, — ответил молодой человек, — а чтобы раздать эти пирожные. Если я упомяну, что своими действиями выставляю на посмешище себя в неменьшей степени, чем тех, на кого мое шутовство направлено, и полностью осознаю этот факт, надеюсь, ваша щепетильность будет удовлетворена и вы примете угощение. В противном случае мне придется съесть двадцать восьмое пирожное, а мне, признаться, они уже порядком надоели.

— Ваше признание тронуло меня, — молвил принц, — и я готов незамедлительно решить вашу дилемму, но при одном условии. Если я и мой друг съедим по пирожному (к чему ни я, ни он не имеем склонности), вы в качестве благодарности присоединитесь к нам за ужином.

Молодой человек задумался.

— У меня еще осталось несколько дюжин пирожных, — наконец заговорил он, — а посему мне предстоит обойти еще несколько подобных заведений, и лишь после этого я смогу считать свое великое дело законченным. Так что, если вы голодны...

Принц прервал его вежливым жестом.

— Мы с другом составим вам компанию, — сказал он, — поскольку нас очень заинтересовал ваш приятный способ проводить вечера. И теперь, когда мирный договор заключен, позвольте мне подписать его от имени нас двоих.

И самым изящным образом принц проглотил пирожное.

— Восхитительно!

— Сударь знаток, — сказал на это молодой человек.

Полковник Джеральдин также отдал должное выпечке, и, поскольку теперь в кабачке уже не осталось никого, кто не принял бы угощения или не отказался бы от него, молодой человек отправился в другое подобное заведение. Двое слуг, которые, судя по их лицам, уже свыклись с нелепостью своего занятия, последовали сразу за ним; замыкали процессию улыбающиеся принц и полковник. В таком порядке компания зашла еще в две закусочные, где произошло примерно то же, что уже было описано: кто-то отказывался, кто-то

принимал гостинцы странствующего хлебосола, и сам неутомимый весельчак неизменно съедал каждое невостребованное пирожное.

Выйдя из третьего паба, молодой человек подсчитал оставшиеся сладости. Всего их оказалось девять, три на одном подносе и шесть на другом.

— Господа, — обратился он к двум своим последователям, — я не хочу, чтобы из-за меня вы отложили ужин. Я совершенно уверен, что вы уже проголодались, и просто обязан уделить вам особое внимание. В этот знаменательный для меня день, когда я прощаюсь со своей прошлой безрассудной жизнью глупейшим из всех поступков, когда-либо совершенных мной, я желаю быть великодушным со всеми, кто меня поддерживал. Господа, больше вам ждать не придется. Несмотря на то что здоровье мое и без того уже подорвано прежними излишествами, я с риском для жизни устраняю затруднительное обстоятельство.

С этими словами он стал забрасывать себе в рот пирожные, пока не проглотил все девять. После этого молодой человек повернулся к слугам и дал им пару соверенов.

— Благодарю вас, — сказал он, — за ваше исключительное терпение.

И он отпустил их, вежливо кивнув каждому. Несколько секунд необычный шутник молча смотрел на свой бумажник, из которого только что вынул деньги, а потом, рассмеявшись, бросил его на середину улицы и объявил о своей готовности поужинать.

В одном французском ресторане в Сохо, который некоторое время пользовался незаслуженно громкой славой, но начал уже забываться широкой публикой, в отдельном номере на третьем этаже трое компаньонов заказали себе легкий изысканный ужин. За непринужденным разговором было выпито три или четыре бутылки шампанского. Новый знакомый принца и Джеральдина был весел и держался свободно, но смеялся чуть громче, чем можно было ожидать от человека его воспитания. Руки его сильно дрожали, а голос то и дело неожиданно менял интонацию, что происходило, по всей видимости, без его желания. Когда было покончено с десертом и все трое закурили сигары, принц обратился к необычному собеседнику:

— Я уверен, вы простите мое любопытство, но я наблюдаю за вами, и то, что я успел увидеть, необычайно меня порадовало, но еще

больше озадачило. Мне меньше всего хочется показаться нескромным, но, смею вас уверить, что я и мой друг — люди в высшей степени надежные. У нас достаточно своих секретов, которые мы постоянно доверяем тем, кому не следует. И если, как я предполагаю, ваша история достаточно глупая, с нами вы можете чувствовать себя совершенно свободно, поскольку мы двое — величайшие глупцы во всей Англии. Меня зовут Годалл, Теофилус Годалл; мой друг — майор Альфред Хаммерсмит. По крайней мере, он предпочитает, чтобы его называли именно так. Наша жизнь полностью посвящена поискам экстравагантных приключений, и нет такой экстравагантности, которая не была бы нам интересна.

— Вы мне нравитесь, мистер Годалл, — вежливо ответил молодой человек. — Вы вызываете доверие. И я не имею ничего против вашего друга майора, который, я полагаю, на самом деле переодетый вельможа. Во всяком случае, к армии он не имеет никакого отношения — в этом я полностью уверен.

Полковник улыбнулся, услышав подобную похвалу своему искусству перевоплощения, а молодой человек тем временем продолжил несколько более взволнованным тоном:

— Есть множество причин, почему мне не стоит посвящать вас в свои дела. Возможно, из-за этого я и хочу это сделать. По крайней мере, я вижу, что вам до того хочется узнать историю моей глупости, что я просто не в силах разочаровать вас. Своего имени, в отличие от вас, я не назову. Возраст мой не имеет значения. Мои родители произвели меня на свет в браке, от них я унаследовал весьма неплохой дом, в котором живу до сих пор, и состояние, которое приносит мне триста фунтов годовых. Мне кажется, что от них же мне досталась и страсть к веселому безрассудству, которому я предаюсь с величайшим наслаждением. Я получил хорошее образование. Владею скрипкой почти настолько, что мог бы этим зарабатывать в оркестре какого-нибудь варьете, хотя и не совсем. То же замечание относится к флейте и валторне. В вист я играю достаточно хорошо, чтобы проигрывать в эту ученую игру фунтов сто в год. Моих познаний во французском хватило на то, чтобы в Париже мне удавалось проматывать деньги с наименьшим успехом, чем в Лондоне. Короче говоря, я самый обычный мужчина. В моей жизни было множество самых разных приключений, в том числе дуэль из-за пустяка. Всего два месяца назад я

познакомился с девушкой, которая полностью соответствовала моему вкусу и умственно и внешне. Сердце мое растаяло, я понял, что наконец встретил свою судьбу и полюбил. Но когда я стал подсчитывать, что осталось от моего капитала, оказалось, что в кармане у меня четыреста фунтов, даже немного меньше! Может ли, спрашиваю я вас, уважающий себя мужчина позволить себе любить, если за душой у него четыре сотни? Придя к выводу, что, конечно же, нет, я оставил предмет моих вздыханий и, немного увеличив свои обычные траты, сегодня утром свел свое состояние до восьмидесяти фунтов. Их я разделил на две равные части. Сорок фунтов я оставил для определенной цели, другие же сорок решил потратить сегодня до наступления вечера. День прошел очень интересно. Кроме этой выходки с пирожными, благодаря которой я имел честь познакомиться с вами, господа, я устроил еще несколько дурацких выходок, поскольку, как я уже говорил вам, хочу окончить свою глупейшим образом прожитую жизнь еще большей глупостью, и когда вы смотрели, как я бросил на дорогу бумажник, он был пустым, сорок фунтов были истрачены. Теперь вы знаете меня не хуже меня самого: я — дурак, но последовательный в своей глупости; и, смею вас уверить, не нытик и не трус.

Из того, каким тоном юноша рассказывал о себе, стало понятно, что его собственная персона вызывала у него горечь и даже пренебрежение, и слушателям его осталось лишь заключить, что дела сердечные в действительности были для него куда важнее, чем он пытался представить, и что молодой человек этот имел определенные планы на свою жизнь. Фарс с пирожными начинал превращаться в завуалированную трагедию.

— Подумать только! — воскликнул тут Джеральдин, бросив взгляд на принца Флоризеля. — Разве не странно, что в такой громадной пустыне, как Лондон, благодаря совершеннейшей случайности, встретились три человека, находящиеся почти в одинаковом положении?

— Как? — изумился молодой человек. — Вы тоже остались без гроша? Что, этот ужин такое же безрассудство, как и мои пирожные? Неужели дьявол свел нас троих для последнего кутежа?

— Дьявол, можете мне поверить, порой бывает способен на весьма благородные поступки, — изрек принц Флоризель. — И меня

настолько тронуло это совпадение, что, хоть мы находимся и не совсем в одинаковых обстоятельствах, я намерен положить конец этому неравенству. И пусть ваш героический поступок с пирожными послужит мне примером.

С этими словами принц вынул бумажник и достал из него небольшую пачку банкнот.

— Как видите, я отставал примерно на неделю, но хочу догнать вас и прийти к финишу ноздря в ноздрю с вами, — продолжил он. — Это, — он положил на стол одну банкноту, — плата за ужин. Ну а остальное...

Он бросил деньги в камин, и те сгорели в один миг.

Молодой человек попытался было перехватить его руку, но, поскольку сидели они на противоположных краях стола, не успел вмешаться.

— Несчастный, что же вы натворили! — закричал он. — Нельзя было сжигать все. Вам нужно было оставить сорок фунтов.

— Сорок фунтов? — повторил принц. — Но зачем же? Да и почему именно сорок?

— Почему, скажем, не восемьдесят? — подхватил полковник. — Я точно знаю, в пачке было сто.

— Ему было нужно только сорок, — уныло произнес молодой человек. — Но без них вас не примут. Правило соблюдается очень строго. Каждый должен внести сорок фунтов. Будь проклята эта жизнь, где человек даже умереть не может без денег!

Принц и полковник переглянулись.

— Объясните, пожалуйста, — сказал Джеральдин. — Мой бумажник еще не окончательно опустел, и незачем говорить, что я всегда готов поделиться с Годаллом. Но мне нужно знать для чего. Вы просто обязаны рассказать нам, что у вас на уме.

Молодой человек словно пробудился ото сна; он с беспокойством перевел взгляд с одного собеседника на другого и вдруг покраснел.

— А вы меня не обманываете? — спросил он. — Вы действительно разорены?

— Я, со своей стороны, так точно, — ответил полковник.

— А что касается меня, — сказал принц, — я уже представил вам доказательство. Мой поступок говорит сам за себя. Кто, кроме нищего, станет бросать деньги в огонь?

— Разве что миллионер, — с подозрением ответил юноша.

— Достаточно, сударь, — проговорил принц. — Я сказал что сказал, и не привык, чтобы мои слова ставили под сомнение.

— Так вы говорите, что разорены? — протянул молодой человек. — Разорены так же, как я? Вы тоже, прожив жизнь, потворствуя своим желанием, дошли до того, что вам осталась лишь одна последняя прихоть? И вы, — голос его становился все тише и тише, — и вы в самом деле намерены не отказать себе в этой прихоти? Вы действительно хотите избавиться от последствий вашего безрассудства единственным надежным и простым способом? Вы хотите ускользнуть от строгих стражей совести через единственную приоткрытую дверцу?

Неожиданно он замолчал и через силу засмеялся.

— Ваше здоровье! — воскликнул он и осушил стакан. — И спокойной ночи, веселые бедняки.

Когда он хотел подняться, полковник схватил его за рукав.

— Вы нам не доверяете, и напрасно, — сказал он. — На все ваши вопросы я даю утвердительный ответ. Но я не настолько робок, чтобы ходить вокруг да около. Мы точно так же, как и вы, пресытились жизнью и намерены умереть. Рано или поздно, в одиночестве или вместе, мы будем искать смерти и готовы принять ее, когда настанет пора. Но поскольку мы повстречались с вами и ваш случай более неотложный, пусть это будет сегодня же... Немедленно! И если пожелаете, мы уйдем из жизни все втроем одновременно. Да такая троица нищих, как мы с вами, — вскричал он, — просто обязана войти в царство Плутона рука об руку, чтобы поддержать друг друга в мире теней!

Джеральдин в совершенстве передал интонации и поведение того человека, которого изображал. Даже принц несколько встревожился и посмотрел на своего наперсника с сомнением. Что же касается молодого человека, щеки его загорелись с новой силой, а глаза точно выбросили лучи света.

— Вы именно те, кто мне нужен! — воскликнул он с каким-то жутковатым весельем. — Давайте же скрепим нашу сделку! — Он протянул руку (ладонь у него оказалась холодной и влажной). — Вам неведомо, с какими людьми вы отправитесь в путь! Вы даже не догадываетесь, в какой счастливый для себя миг вы отведали моих пирожных. Я всего лишь единица, но единица в армии себе подобных.

Я знаю тайную дверь, ведущую к смерти! Я ее близкий друг, и я могу провести вас к вечности без лишних церемоний и скандала.

Они горячо попросили его объяснить.

— У вас восемьдесят фунтов на двоих найдется? — спросил он.

Полковник для виду порылся в своем бумажнике и ответил утвердительно.

— Удача уже сопутствует нам! — воскликнул молодой человек. — Восемьдесят фунтов — это вступительный взнос в Клуб самоубийц.

— Клуб самоубийц? — промолвил принц. — А это еще что такое?

— Сейчас поясню, — отвечал молодой человек. — Мы с вами живем в век комфорта, и я поведаю вам о последнем достижении в этой области. Людям необходимо бывать в разных местах, поэтому были изобретены железные дороги. Железные дороги отдалили нас от друзей — и, чтобы мы могли быстрее общаться, находясь на больших расстояниях друг от друга, появился телеграф. Даже в гостиницах есть лифты, чтобы нам не нужно было утруждать себя подъемом по нескольким сотням ступенек. Мы знаем, что жизнь — это не более чем сцена, на которой мы вольны валять дурака до тех пор, пока нас устраивает эта роль. В современном благоустроенном мире до сих пор не хватало лишь одного удобства: простого и достойного способа покинуть эту сцену, черного хода к свободе или, как я только что сказал, тайной двери смерти. Ее-то, дорогие мои бунтари-единомышленники, и предоставляет Клуб самоубийц. Но не думайте, что мы с вами одиноки или исключительны в своем в высшей степени благоразумном желании. Есть великое множество подобных нам, кому прискучила пьеса, в которой нужно лицедействовать изо дня в день на протяжении всей жизни; кого в этом мире удерживает лишь одно-два соображения. Кто-то не хочет подвергать удару семью или боится, что его родственников начнут в чем-то обвинять, если дело получит огласку; кто-то просто слаб духом и страшится обстоятельств смерти. Это в некоторой степени относится и ко мне. Я не могу просто приставить к голове пистолет и спустить курок, от этого меня удерживает некая неподвластная мне сила; и хоть я презираю жизнь, я недостаточно силен, чтобы взять смерть в свои руки и покончить со всем разом. Для таких, как я, и для всех, кто желает развязать этот узел без посмертной шумихи, и был учрежден Клуб самоубийц. Кто и как занимается его управлением, какова его история и существуют ли у

него филиалы в других странах, об этом мне неизвестно, а о принятых в нем правилах я сообщить вам не имею права. Во всем же остальном я к вашим услугам. Если вы в самом деле устали от земного существования, сегодня вечером я проведу вас туда. И если не сегодня, то, по крайней мере, до конца недели вы легко расстанетесь с жизнью. Сейчас (если эти часы не врут) одиннадцать, значит, выходить нам нужно не позже чем через полчаса. Полчаса нужны вам для того, чтобы рассмотреть мое предложение. Это посерьезнее пирожных, — добавил он с улыбкой. — И я думаю, что аппетитнее.

— Серьезнее, это точно, — согласился полковник. — И раз уж на то пошло, если вы не против, я бы хотел пять минут поговорить со своим другом мистером Годаллом с глазу на глаз.

— Разумеется! — ответил молодой человек. — С вашего позволения, я вас покину.

— Буду весьма обязан, — промолвил полковник.

Когда они остались вдвоем, принц Флоризель спросил:

— К чему это совещание, Джеральдин? Я вижу, вы слегка взволнованны, но мой разум совершенно спокоен. Я хочу узнать, чем это закончится.

— Ваше высочество, — воскликнул полковник, бледнея, — позвольте напомнить вам о важности вашей жизни. Не только для ваших друзей, но и в интересах державы. «Если не сегодня» — сказал этот сумасшедший; но если предположить, что какое-то непоправимое несчастье случится с вашим высочеством, представьте, каково будет мое отчаяние и какой катастрофой это обернется для великой нации.

— Я хочу узнать, чем это закончится, — без тени сомнения в голосе повторил принц. — И вы, полковник Джеральдин, будьте любезны не забывать и уважать данное вами слово чести. И помните, ни при каких обстоятельствах без моего специального разрешения вы не должны раскрывать имени, под которым я путешествую за границей. Таково было мое указание, и сейчас вы вынуждаете меня повторять его. А теперь, — добавил он, — оплатите, пожалуйста, счет.

Полковник Джеральдин покорно поклонился, но оставался очень бледен, когда звал молодого раздатчика пирожных и отдавал указания официанту. Принц же сохранил полнейшую невозмутимость и принялся увлеченно и с величайшим юмором описывать юному самоубийце последний фарс, идущий в Пале-Рояле. Он с самым

невинным видом и совершенно естественно избегал умоляющего взгляда полковника и даже сигару выбирал чуть тщательнее обычного. Несомненно, его высочество был единственным в небольшой компании, кто сохранил спокойствие духа.

Когда был принесен счет, принц оставил огромные чаевые ошеломленному официанту и тройца погрузилась в экипаж. После непродолжительной поездки кэб остановился у входа в довольно мрачном на вид тупике. Здесь все трое высадились.

После того как Джеральдин заплатил за поездку, молодой человек повернулся и обратился к принцу с такими словами:

— У вас еще есть время вернуться в рабство, мистер Годалл. У вас тоже, майор Хаммерсмит. Подумайте хорошенько, прежде чем сделать следующий шаг, и если ваше сердце скажет вам «нет», идите своей дорогой.

— Ведите нас, сэр, — ответил принц. — Я не привык отказываться от своих слов.

— Я восхищен вашим хладнокровием! — промолвил их проводник. — Еще никогда я не видел, чтобы кто-нибудь в таких обстоятельствах сохранял подобное спокойствие, а вы не первые, кого я привожу в это место. Многие из моих друзей, опередив меня, отправились туда, куда (это мне точно известно) в скором времени последую и я. Впрочем, вам это неинтересно. Подождите меня здесь, я на секунду. Вернусь, как только договорюсь, чтобы вас приняли.

И, махнув компаньонам, молодой человек нырнул в тупик и скрылся за дверью.

— Из всех наших выходов, — вполголоса произнес полковник Джеральдин, — эта самая дикая и опасная.

— Совершенно с вами согласен, — ответил принц.

— У нас еще есть несколько секунд, пока нас никто не слышит, — взмолился полковник. — Позвольте мне просить ваше высочество воспользоваться этим шансом и удалиться. Последствия этого поступка могут быть такими ужасающими, что я чувствую себя вправе допустить немного большую вольность, чем ваше высочество позволяет мне в частной обстановке.

— Вы испугались, полковник Джеральдин, я вас правильно понял? — Вынув изо рта сигару, его высочество пристально всмотрелся в лицо шталмейстера.

Полковник гордо поднял голову.

— Я боюсь не за себя. В этом ваше высочество может не сомневаться.

— Я так и думал, — с непоколебимым спокойствием произнес принц. — Но я не хотел напоминать вам о разнице между нашими положениями. Не нужно, не нужно, — добавил он, видя, что Джеральдин собирается извиняться. — Считайте, что вы прощены.

И он продолжил безмятежно курить, прислонившись к оgrade, пока не вернулся молодой человек.

— Ну что? — поинтересовался принц. — Нас примут?

— Следуйте за мной, — был ответ. — Председатель поговорит с вами у себя в кабинете. И хочу вас предупредить: когда он будет что-то спрашивать, отвечайте только правду. Я за вас поручился, но по правилам клуба каждого новичка подвергают тщательному опросу, поскольку неосторожность одного члена может привести к тому, что все общество будет рассеяно навсегда.

Принц и Джеральдин на минуту отошли в сторонку. «Вы подтвердите?..» — тихо молвил один из них. «А вы?..» — шепнул второй, и, поняв друг друга с полуслова, они решили изображать двух своих общих знакомых, характеры которых были хорошо известны обоим. После этого они были готовы следовать за своим поводырем в кабинет председателя.

Никаких особенных преград на пути не встретилось. Дверь, ведущая с улицы в дом, была нараспашку, дверь в кабинет — тоже открыта. В этой небольшой комнатке с очень высокими потолками молодой человек снова их оставил.

— Ждите, сейчас будет. — Кивнув на прощание, он исчез.

Из-за двустворчатой двери в соседнюю комнату доносились голоса. Приглушенные звуки разговора то и дело прерывались хлопками открывающихся бутылок шампанского, за которыми следовали взрывы хохота. Высокое окно (единственное в кабинете председателя) выходило на реку и набережную, и по расположению огней принц и полковник пришли к выводу, что находятся где-то неподалеку от вокзала Чаринг-Кросс. Обстановка помещения не отличалась пышностью: обивка мебели протерта почти до дыр, и, кроме ручного колокольчика посреди круглого стола да многочисленных шляп и плащей, развешанных на стенах, здесь ничего не было.

— Что это за притон? — проронил Джеральдин.

— Я здесь для того, чтобы узнать это, — сказал в свою очередь принц. — Если они тут держат живых демонов, дельце может оказаться интересным.

И как только он это произнес, двустворчатая дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить человеческую фигуру, и в комнату в сопровождении журчания разговоров, на секунду сделавшегося громче, проник грозный председатель Клуба самоубийц. Это был крупный мужчина лет пятидесяти или больше, с вальяжной походкой, кустистыми бакенбардами, лысиной на макушке и серыми, точно покрытыми пленкой глазами, в которых время от времени вспыхивали огоньки. Губы председателя, в которых была зажата большая сигара, находились в постоянном движении; холодно и пронизательно глядя на незнакомцев, он то крутил ими, то перемещал с одной стороны лица на другую. Одет он был в светлый твидовый костюм; из расстегнутого воротника полосатой рубашки выпирала шея; под мышкой он держал протокольную книгу.

— Добрый вечер, — сказал он, закрыв за собой дверь. — Вы хотели меня видеть?

— Сэр, мы желаем вступить в Клуб самоубийц.

Председатель погоял во рту сигару.

— О чем вы? — резко бросил он.

— Прошу прощения, — ответил полковник, — но, я полагаю, вы именно тот человек, который может просветить нас в этом вопросе.

— Я? — воскликнул председатель. — Клуб самоубийц? Помилуйте! Сегодня же не первое апреля. Я понимаю, джентльмены, когда выпьют лишнего, могут и пошутить, но это, знаете ли, уж слишком.

— Как бы вы ни называли свой клуб, — сказал полковник, — за этими дверями — веселая компания и мы хотим присоединиться к ней.

— Сэр, — холодно произнес председатель, — вы ошиблись. Это частный дом, и я попрошу вас покинуть его. Немедленно.

Пока происходил этот небольшой диалог, принц сидел молча, но сейчас, когда полковник посмотрел на него с таким выражением, будто хотел сказать: «Ответьте же ему что-нибудь, и давайте уйдем отсюда поскорее, бога ради», он вынул изо рта сигару и произнес:

— Я пришел сюда по приглашению одного из ваших друзей. Несомненно, он сообщил вам о том, с какой целью я вторгаюсь в ваши владения. Позвольте напомнить вам, что находящийся в моем положении связан очень малым и не станет терпеть слишком грубое отношение. Я очень спокойный человек (как правило), но, дорогой сэръ, вы либо окажете мне услугу, о которой я вас прошу, либо горько пожалеете о том, что позволили мне перешагнуть порог вашего дома.

Председатель громко рассмеялся.

— Право слово, хорошо сказано! — воскликнул он. — Вот это настоящий мужчина! Ох, пришлись вы мне по душе, так что теперь я весь ваш — делайте со мной, что хотите. Не могли бы вы, — продолжил он, обращаясь к Джеральдину, — оставить нас на несколько минут? Сначала я бы хотел закончить с вашим товарищем, а кое-какие формальности для принятия в клуб требуют разговора без посторонних.

С этими словами он открыл дверь в небольшой чуланчик и запер там полковника.

— Вам-то я полностью доверяю, — сказал он Флоризелю, как только они остались одни, — но уверены ли вы в своем друге?

— Не настолько, насколько я уверен в себе, хотя для того, чтобы прийти сюда, у него имеются еще более веские, чем у меня, причины, — ответил принц, — но я достаточно доверяю ему, чтобы безбоязненно рекомендовать его вам. Ему довелось пережить такое, что сломало бы и самого жизнелюбивого человека. На днях его уличили в подтасовке карт.

— Да, это серьезная причина, — согласился председатель. — По крайней мере, среди нас уже есть один в таком же положении, и в нем я не сомневаюсь. А позвольте узнать, вы тоже служили?

— Да, — последовал ответ. — Но я слишком ленив, поэтому служба моя продолжилась недолго.

— А по какой причине вы считаете, что устали от жизни? — настойчиво поинтересовался председатель.

— По той же, мне кажется, — отвечал принц. — Необоримая лень.

Председатель вздрогнул от удивления.

— Черт побери, у вас наверняка должны быть более веские основания!

— Я остался без денег, что тоже, конечно же, неприятно, — добавил Флоризель. — От этого не покидающее меня ощущение тщетности своего существования достигло наивысшей точки.

Председатель несколько секунд крутил сигару во рту, нацелив острый взгляд прямо в глаза необычного неопита, но принц выдержал это испытание с непревзойденным спокойствием.

— Будь у меня меньше опыта, — наконец произнес председатель, — я бы указал вам на дверь. Но я хорошо знаю этот мир. По крайней мере, настолько, чтобы понимать, насколько труднее всего противиться самым незначительным поводам для самоубийства, и, когда человек мне по душе — вот как вы, сэр, — я готов ради него на все. На все! Я скорее отступлюсь от определенных правил, чем отвечу ему отказом.

После этого принц и полковник были по очереди подвергнуты долгому и тщательному допросу. С принцем председатель поговорил с глазу на глаз, но разговор с полковником происходил в присутствии принца, чтобы председатель мог наблюдать за выражением лица одного, пока второй отвечал на каверзные вопросы. Результат оказался удовлетворительным, и председатель, внося в протокольную книгу кое-какие записи о каждом из новых членов клуба, представил им на подпись некое подобие присяги. Ничто не могло закабалить сильнее, чем обещаемое послушание; не существовало обета более строгого, чем тот, который соглашался соблюдать подписавший сей документ. Осмелившемуся нарушить столь ужасную клятву было уготовано полное бесчестие, и его не спасли бы даже те утешения, которые дарует религия. Флоризель не без содрогания подписал бумагу, полковник со страдальческим выражением лица последовал его примеру. После этого председатель взыскал вступительный взнос и без лишних церемоний провел друзей в курительную комнату Клуба самоубийц.

Потолок курительной комнаты был таким же высоким, как в прилегающем к ней кабинете, но само помещение оказалось гораздо просторнее. Имитирующие дубовую обшивку обои покрывали все его стены сверху донизу, а скачущие языки пламени в камине и многочисленные газовые рожки ярко освещали компанию. Принц и его последователь дополнили количество собравшихся до восемнадцати человек. В комнате почти все курили или пили шампанское; здесь

царило какое-то лихорадочное веселье, время от времени неожиданно прерываемое секундами зловещей тишины.

— Сегодня все члены клуба в сборе? — спросил принц.

— Почти, — ответил председатель. — Кстати, — добавил он, — если у вас есть деньги, здесь принято заказывать шампанское. Это поддерживает настроение, ну и мне дает небольшой доход.

— Хаммерсмит, — промолвил Флоризель, — закажите шампанского.

С этими словами он развернулся и стал прохаживаться между гостями. Привычный исполнять роль хозяина в самых высоких сферах, он без труда очаровывал и пленял каждого, к кому подходил. В том, как он держался, было что-то подкупающее и одновременно властное. Необычайное спокойствие принца еще сильнее выделяло его среди этого безумного собрания. Перемещаясь от одного собеседника к другому, он внимательно прислушивался и присматривался и вскоре начал понимать, что за личности окружают его. Как и в любом другом месте, где собираются для отдыха, здесь преобладал один тип: довольно молодые люди с умными и чуткими лицами, но без всякого намека на силу или те качества, которые позволяют добиться успеха. Кое-кому было далеко за тридцать, многим не исполнилось еще и двадцати. Они стояли, прислонясь к столам, и нетерпеливо переминались с ноги на ногу; кто-то курил вовсю, а кто-то держал во рту погасшую сигару; иногда слышались спокойные, размеренные голоса, а иногда их заглушали разговоры, явно вызванные нервозностью обстановки, впрочем, и те и другие были одинаково бессодержательны и лишены остроумия. Каждая новая открытая бутылка шампанского значительно улучшала всеобщее настроение. Сидели только двое: один в кресле у окна, подальше от остальных, бледный, весь покрытый испариной, с руками в карманах брюк, понутив голову и молча, — живое воплощение полного телесного и духовного упадка; другой расположился на диване рядом с камином. Этот привлекал к себе внимание своей бросающейся в глаза несхожестью с остальными. Ему, скорее всего, было за сорок, но выглядел он на все десять лет старше, и принц, заметив его, подумал, что еще не встречал человека более безобразного от природы. Вдобавок он был изуродован болезнями и излишествами: кожа да кости, частично парализованный, очки его были настолько сильными,

что глаза за их мощными линзами казались огромными и искаженными. Кроме принца и полковника, он был единственным в этой комнате, кто сохранял спокойствие, как будто вокруг него не происходило ничего необычного.

Разговоры членов клуба не были любезной светской болтовней. Одни похвалялись своими позорными поступками, последствия которых заставили их искать убежища в смерти, другие слушали, не выражая неодобрения. Собравшиеся здесь словно чувствовали себя выше законов морали, и каждый, перешагнувший порог клуба, как будто уже обладал неприкосновенностью, которую дает могила. Они пили за упокой друг друга или поминали великие самоубийства прошлого. Они сравнивали и обсуждали различные взгляды на смерть — кто-то утверждал, что их ждет не более чем вечный мрак и абсолютная пустота; другие были полны надежды, что уже этой ночью вознесутся к звездам, где их встретят великие мертвые.

— За вечную память барона Тренка! Образцового самоубийцы! — воскликнул один. — Который покинул ничтожно малую камеру бытия и переместился в другую, еще меньшую, чтобы восстать свободным.

— А я бы хотел, — молвил другой, — просто завязать себе глаза и заткнуть уши ватой. Да только во всем мире не насобирать столько ваты.

Третий же предполагал, что в будущем воплощении ему откроются вселенские тайны, а четвертый заявлял, что никогда не вступил бы в Клуб самоубийц, если бы не уверовал в теорию господина Дарвина.

— Для меня невыносимо осознавать, — признался этот удивительный самоубийца, — что я происхожу от обезьяны.

В общем, принц был разочарован как самими членами собрания, так и их разговорами.

«По-моему, все это совершенно не стоит такого волнения, — думал он. — Если уж решил наложить на себя руки — веди себя как джентльмен. Возня и громкие слова при этом совершенно неуместны».

Полковника Джеральдина тем временем снедали самые недобрые предчувствия. Клуб и его правила по-прежнему оставались для него загадкой, и он осматривал комнату в поисках того, кто мог бы успокоить его растревоженный разум. Наконец, взор его остановился на паралитике в сильных очках. Видя его абсолютное спокойствие, Джеральдин попросил председателя, который, занимаясь делами, то

исчезал куда-то, то снова появлялся с озабоченным видом, представить его джентльмену на диване.

Функционер объяснил ему, что в стенах клуба любые формальности излишни, но все же представил мистера Хаммерсмита мистеру Мальтусу.

С любопытством посмотрев на полковника, мистер Мальтус предложил ему сесть справа от себя.

— Так вы новичок, — сказал он, — и хотите во всем разобраться? Вы обратились по адресу. Я состою в этом очаровательном клубе уже два года.

Наконец-то полковник смог вздохнуть спокойно. Если мистер Мальтус посещает это заведение такой долгий срок, принцу вряд ли что-то грозит в первый же вечер. Тем не менее полковник был порядком удивлен и стал подозревать, что его могли сделать жертвой розыгрыша.

— Как?! — вскричал он. — Два года? Но я думал, что... Впрочем, я вижу, надо мной просто подшутили.

— Ничего подобного, — преспокойно ответил мистер Мальтус. — Просто я особый случай. Видите ли, дело в том, что я, собственно говоря, даже не самоубийца, а в некотором смысле почетный член. Я редко навещаю клуб чаще двух раз в два месяца. Моя болезненность и доброе сердце председателя дали мне возможность пользоваться этой небольшой привилегией, за что я, правду сказать, доплачиваю определенную сумму. Вообще-то, в этом нет никакого смысла, потому что я невероятно везуч.

— Боюсь, — сказал полковник, — что мне придется просить вас объяснить все подробнее. Вспомните, я же почти не знаю правил клуба.

— Обычный член клуба, который, как и вы, ищет смерти, — отвечал паралитик, — обязан каждый вечер возвращаться сюда, пока ему не улыбнется удача. Если он совсем на мели, он даже может поселиться здесь. Тут, насколько мне известно, достаточно чисто и совсем недорого, хотя, конечно же, не хоромы. Ну так чего еще ожидать при столь ничтожных, если так можно выразиться, взносах! Хотя лично я считаю, что находиться в обществе председателя — это само по себе изысканное удовольствие.

— В самом деле? — воскликнул Джеральдин. — Надо сказать, у меня не сложилось такого впечатления.

— Ах, вы просто не знаете, какой он человек, — сказал мистер Мальтус. — Весельчак. А какой рассказчик! Как тонко умеет подшутить! Он знает жизнь вдоль и поперек, и, между нами, другого такого испорченного мерзавца не сыскать во всем христианском мире.

— И он, как и вы, — спросил полковник, — постоянная величина, если мне будет позволено так выразиться?

— Он постоянная величина совсем в другом смысле, — ответил мистер Мальтус. — Я всего лишь жду своего часа, но рано или поздно настанет и мой черед. Он же никогда не играет. Председатель лишь сдает карты и все устраивает. Этот человек, мой дорогой мистер Хаммерсмит, воплощение находчивости. Он настоящий мастер, я бы даже сказал, художник! Вот уже три года он занимается в Лондоне своим весьма полезным делом, а никому даже в голову не пришло что-то подозревать. Я считаю его настоящим гением. Вы наверняка помните тот нашумевший случай полгода назад, когда один господин случайно отравился в аптеке? И это было одним из самых незамысловатых, наименее эффектных его решений. Но как просто и в то же время безопасно!

— Вы меня поражаете, — опешил полковник. — Неужели тот несчастный был одной из... — Он чуть не сказал «жертв», но вовремя спохватился и вместо этого произнес: — ...одним из членов клуба?

В ту же секунду ему вдруг подумалось, что сам мистер Мальтус не производит впечатления человека, жаждущего смерти, и он торопливо прибавил:

— Но я по-прежнему в потемках. Вы упомянули о картах, какое это имеет отношение к клубу? К тому же, простите, но вы мне кажетесь скорее жизнелюбом, чем самоубийцей, и я никак не могу понять, зачем же вы вообще сюда приходите?

— Это вы правильно сказали: «в потемках»! — ответил мистер Мальтус чуть более оживленно, чем прежде. — Дорогой мой сэр, этот клуб — храм упоения. Если бы мое подорванное здоровье позволяло мне предаваться наслаждению чаще, можете не сомневаться, я бывал бы здесь гораздо больше. Только чувство долга, выработанное постоянной борьбой за здоровье и строгим соблюдением режима, удерживает меня от того, чтобы целиком посвятить себя этому, если

так можно выразиться, последнему из позволенных мне пороков. Я перепробовал их все, сэр, — продолжил он, положив ладонь на руку Джеральдина. — Все без исключения, и поверьте (я клянусь честью), удовольствие, которое они приносят, значительно и совершенно безосновательно преувеличено. Потом, люди играют с любовью. А я отрицаю, что любовь — это сильное чувство. Страх — вот где настоящая страсть. О страхе нужно говорить, если хочешь попробовать на вкус наивысшие удовольствия, которые может дать жизнь. Завидуйте мне, завидуйте мне, сэр, — прибавил он, усмехнувшись, — ибо я трус!

Джеральдин с большим трудом заставил себя никак не проявить отвращения, которое вызвал в нем этот жалкий калека. Собравшись, он продолжил разговор.

— А каким образом, сэр, — спросил он, — вам удастся столь искусно продлевать удовольствие? И где здесь элемент неопределенности?

— Сейчас я расскажу вам, каким образом каждый вечер выбирается жертва, — ответил мистер Мальтус. — И не только жертва, но и другой член, который становится орудием в руках клуба и в данном случае жрецом смерти.

— Боже правый! — обомлел полковник. — Они что, убивают друг друга?

— Таким образом решается главное затруднение для самоубийц, — кивнул Мальтус.

— Милостивые небеса! — воскликнул полковник. — Так значит, сегодня вечером вас могут... меня могут... могут даже самого... Я имел в виду своего друга... Кого-либо из нас могут назначить на роль убийцы тела и бессмертной души человека? Возможно ли подобное в роду людском? Какое чудовищное злодеяние!

Преисполнившись ужаса, он готов был немедленно встать с дивана, но тут полковник заметил нацеленный на него из другого конца комнаты недовольный взгляд принца. Грозные глаза Флоризеля тут же привели его в чувство.

— Хотя, с другой стороны, — добавил он, — почему бы и нет? *Vogue la galère!*[1] Я — в клубе!

Мистер Мальтус с восторгом наблюдал за изумлением и отвращением полковника. Этот человек находил особую приятность в

собственной порочности, и видеть душевные терзания другого ему доставляло искреннее тщеславное удовлетворение, поскольку сам он считал себя выше всяких чувств.

— Теперь, когда ваше первое удивление прошло, — сказал он, — вы сможете вкусить тех изысканных наслаждений, которые дарует наше небольшое общество. Вам откроется, как могут воедино слиться упоение карточного стола, возбуждение дуэли и восторг римского амфитеатра. Язычники знали толк в удовольствиях, я искренне восхищаюсь утонченностью их вкусов, но лишь в христианской стране удалось достичь подобного совершенства, этой квинтэссенции, абсолютного пика остроты. Вы поймете, насколько скучными и пресными кажутся все другие развлечения тому, кто хоть раз вкусил этого. Правила игры, — продолжил он, — чрезвычайно просты. Берется полная колода карт... Но, похоже, сейчас вы сами все увидите. Не подадите мне руку? Я, видите ли, парализован.

И в самом деле, как только мистер Мальтус собрался начать рассказ, другие двустворчатые двери распахнулись и члены клуба довольно торопливо стали переходить в соседнюю комнату. Она ничем не отличалась от предыдущей, только обставлена была немного по-другому. Всю середину ее занимал длинный зеленый стол, за которым сидел, тщательно перемешивая колоду карт, председатель. Мистер Мальтус, хоть и опирался на трость и руку полковника, передвигался с таким трудом, что все остальные успели занять места за столом, пока эта пара и принц, который задержался, дожидаясь их, вошли в комнату. Они уселись за дальним от председателя концом стола.

— В колоде пятьдесят две карты, — шепнул мистер Мальтус. — Должен выпасть пиковый туз — это знак смерти, и трефовый — он укажет того, кто будет назначен исполнителем на эту ночь. Завидую я вам, молодым, — добавил он. — У вас хорошее зрение, и вы можете наблюдать за игрой. Я через стол — увы! — не отличу туза от двойки.

И он принялся усаживать на нос вторую пару очков.

— Я должен видеть хотя бы лица, — пояснил он.

Полковник в двух словах сообщил своему другу, что он узнал от почетного члена клуба и о том ужасном выборе, который будет сделан сегодня. Принц почувствовал, как сердце его похолодело и сжалось. Он с трудом сглотнул и огляделся по сторонам, как прижатый к стенке.

— Неожиданный рывок, — шепотом предложил полковник, — и мы все еще можем спастись.

Но это предложение вернуло принцу присутствие духа.

— Перестаньте! — молвил он. — И будьте любезны играть, как подобает джентльмену, какими бы высокими ни были ставки.

И Флоризель снова, на этот раз со спокойным видом, осмотрелся, хотя сердце его бешено колотилось и в животе он чувствовал неприятное жжение. Остальные члены клуба притихли и сидели в напряженных позах. Все были бледны, но мистер Мальтус сделался совершенно белым, как бумага. Глаза его выкатились из орбит, голова произвольно дергалась, руки, сначала одна, потом вторая, поднялись ко рту и начали судорожно сжиматься и разжиматься у посеревших дрожащих губ. Было очевидно, что удовольствие, которое испытывал почетный член, действительно носило весьма необычный характер.

— Внимание, джентльмены, — произнес председатель.

И он начал медленно раздавать карты справа налево, дожидаясь, пока каждый из членов клуба покажет, что ему выпало. Почти все переворачивали карту не сразу, и иногда было заметно, как тряслись пальцы игрока, когда он тянулся к роковому листку картона. По мере того как очередь приближалась к принцу, росло и его волнение. Однако нельзя сказать, что ему было неведомо чувство азарта, и он почти с удивлением поймал себя на том, что происходящее приятно щекочет ему нервы. Ему выпала трефовая девятка. Джеральдину попала тройка пик. Червовая дама легла перед мистером Мальтусом, который не удержался и вскрикнул от облегчения. Молодой человек, который разносил пирожные, почти сразу после этого перевернул трефового туза да так и застыл от ужаса с картой в руке. Ведь он пришел сюда не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы быть убитым. Принц, преисполнившись искреннего сочувствия к его положению, даже на время забыл об опасности, которая все еще висела над ним и его другом.

После второй раздачи карта смерти по-прежнему не появилась. Игроки затаили дыхание. Были слышны лишь судорожные вздохи. Принцу снова выпала трефа, Джеральдин получил бубну, но, когда мистер Мальтус перевернул свою карту, жуткий звук, чем-то напоминающий треск, исторгся из его горла, и он поднялся и снова сел

без всякого намека на паралич. Это был пиковый туз. Погоня за страхом все-таки сгубила почетного члена.

Почти в ту же секунду все разом заговорили, игроки расслабились, начали вставать из-за стола и парами или по трое уходить в курительную. Председатель потянулся и зевнул, как человек, закончивший работу. Но мистер Мальтус остался неподвижно сидеть, уперев локти в стол и обхватив голову руками, — он был совершенно раздавлен.

Принц и Джеральдин вышли из клуба, не задерживаясь ни на секунду. На прохладном ночном воздухе ужас того, свидетелями чего им довелось стать, усилился.

— Как тяжело, — сокрушенно посетовал принц, — быть связанным клятвой в таком деле! Позволять этой ярмарке смерти продолжать безнаказанно приносить доходы! Если бы только я мог нарушить данное мною слово!

— Это невозможно для вашего высочества, — твердо произнес Джеральдин. — Ведь ваша честь — это честь Богемии. Но я осмелюсь нарушить свое! И я уверен, что поступлю правильно.

— Джеральдин, — сказал принц, — если в одном из наших приключений пострадает ваша честь, я не только не прощу вас, но (и я думаю, что для вас это гораздо важнее) никогда не прощу себя!

— Приказание вашего высочества — закон, — ответил полковник. — Давайте покинем это проклятое место!

— Да! — согласился принц. — Остановите же кэб, наконец! Может быть, сон избавит меня от воспоминаний об этой мерзости.

Однако следует отметить, что, прежде чем покинуть страшный тупик, принц внимательно прочитал его название.

На следующее утро, как только принц открыл глаза, полковник Джеральдин явился к нему со свежей газетой, в которой был очерчен следующий параграф:

«ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ»

Сегодня рано утром, примерно в два часа, мистер Бартоломью Мальтус, проживавший по адресу Уэстборн-Грув Чепстоу-плейс, 16, возвращаясь домой после дружеской вечеринки, упал с тротуара на

Трафальгарской площади и разбил себе череп, а также сломал ногу и руку. Смерть наступила незамедлительно. Этот несчастный случай произошел, когда мистер Мальтус в сопровождении друга дожидался кэба. Поскольку мистер Мальтус страдал параличом, предполагается, что причиной его падения стал очередной приступ болезни. Потерпевший был широко известен в самых почтенных кругах, и его гибель вызовет глубокую скорбь».

— Не сомневаюсь, что душа этого паралитика отлетела напрямиком в ад, — мрачно заметил Джеральдин.

Не произнеся ни слова, принц закрыл лицо руками.

— Я почти даже рад, — продолжил полковник, — что он умер. Но когда я думаю о молодом человеке с пирожными, признаюсь, мое сердце обливается кровью.

— Джеральдин, — промолвил принц, отняв руки от лица. — Этот несчастный парень еще только вчера был так же невинен, как вы и я, а сегодня утром на его душе уже лежит кровавая печать убийства. Когда я думаю о председателе, мое сердце наполняется отвращением. Не знаю, каким способом, но, клянусь Всевышним, я добьюсь того, чтобы этот негодяй оказался в моей власти. Однако какой случай! Какой поучительной оказалась эта игра в карты!

— Случай, — добавил полковник, — который никогда не должен повториться.

Принц не отвечал так долго, что Джеральдин встревожился.

— Вы же не собираетесь туда возвращаться? — осторожно произнес он. — Вы и так уже увидели слишком много ужаса, довольно с вас мук. Учитывая ваше высочайшее положение и связанные с ним обязательства, вы просто не имеете права снова подвергать себя такой опасности.

— Все правильно, полковник, — отвечал принц Флоризель. — И у меня вовсе не вызывают восторга собственные порывы. Но, увы! В одеяниях даже самого великого из владык скрывается всего лишь человек. Никогда еще я не ощущал собственную слабость так, как сейчас, Джеральдин, но это сильнее меня. Могу ли я заставить себя выбросить из сердца несчастного юношу, который всего несколько часов назад ужинал с нами? Могу ли я позволить председателю продолжать заниматься его гнусным делом? Могу ли я, начав

приключение столь захватывающее, не пройти его до конца? Нет, Джеральдин, вы просите у принца больше, чем по силам простому человеку. Сегодня мы снова сядем за стол в Клубе самоубийц.

Полковник Джеральдин бросился на колени.

— Если вашему высочеству нужна моя жизнь, — взмолился он, — она ваша! Я готов отдать ее вам, не раздумывая. Но умоляю вас — умоляю! — не просите, чтобы я поддерживал вас в столь опасном предприятии!

— Полковник Джеральдин, — отвечал принц с несколько надменным видом, — ваша жизнь не принадлежит никому, кроме вас. Я ждал всего лишь подчинения, но, если оно нежеланно, я перестану его ждать. Добавлю лишь одно слово: ваше упорство в этом деле исчерпало мое терпение.

Шталмейстер поднялся на ноги.

— Ваше высочество, — сказал он, — вы позволите мне сегодня не сопровождать вас? Я, как человек, пользующийся уважением, не могу позволить себе второй раз показаться в этом притоне смерти, пока не улажу своих дел. Ваше высочество больше не встретит противления от преданнейшего и благодарнейшего из слуг.

— Мой дорогой Джеральдин, — ответствовал принц Флоризель, — мне всегда неприятно, когда вы заставляете меня вспоминать о моем положении. Располагайте своим временем так, как вам заблагорассудится, только будьте здесь до одиннадцати в том же гриме.

На этот раз в клубе было не так людно, и, когда прибыли Джеральдин с принцем, в курительной они увидели не больше полудюжины гостей. Его высочество отвел председателя в сторонку и сердечно поздравил его с кончиной мистера Мальтуса.

— Мне нравится видеть людей, которые любят свое дело и знают в нем толк. Вы, вне всякого сомнения, относитесь к их числу. Хоть занятие ваше, так сказать, весьма щепетильного свойства, вы достаточно хорошо подготовлены, чтобы справляться с ним так успешно, не выставляя при этом себя.

Председатель был очень тронут, услышав подобные слова от человека настолько благородной внешности и изысканных манер, как принц. Он даже почти смутился.

— Бедный Мальти, — вздохнул он. — Я даже не представляю себе клуба без него. Большинство моих завсегдатаев — мальчишки.

Начитавшиеся поэзии романтические юнцы, разговаривать с которыми мне неинтересно. Не то чтобы Мальти сам был начисто лишен романтики, но его чувства были мне понятны.

— Сочувствую вашей утрате, — участливо промолвил принц. — Конечно же, мистера Мальтуса вам будет очень не хватать. Он показался мне личностью весьма своеобразного склада.

Молодой человек, раздававший пирожные, тоже присутствовал, но он стоял молча и явно был угнетен. Его новые друзья тщетно пытались втянуть его в разговор.

— Как же я жалею о том, — воскликнул он, — что привел вас в это проклятое место! Уходите отсюда, пока еще руки ваши чисты. Если бы вы слышали, как завопил этот старик, падая на мостовую... Звук, с которым ломались его кости... Пожелайте мне — если вы еще можете испытывать жалость к такому падшему существу, как я, — пожелайте, чтобы сегодня мне выпал туз пик!

В течение вечера в клуб пришло еще несколько человек, и все равно за стол село не больше чертовой дюжины игроков. Принц снова ощутил определенное возбуждение от страха, но он был необычайно удивлен, увидев, что Джеральдин держится намного спокойнее и увереннее, чем накануне.

«Просто поразительно, — размышлял принц, — как может повлиять на молодого человека составление завещания».

— Внимание, джентльмены, — произнес председатель и начал сдавать карты.

Было сделано три раздачи, а роковые тузы все не показывались. Напряжение достигло невероятного накала, когда он приступил к очередной, четвертой, раздаче. Карт в руках председателя оставалось ровно столько, сколько игроков находилось за столом. Принц, сидевший вторым по левую руку председателя, при том порядке раздачи, который был принят в клубе (справа налево), должен был получить предпоследнюю карту. Третий игрок перевернул черного туза — это был туз треф. Следующий за ним получил бубну, следующий — черву и так далее, но пиковый туз все еще оставался в руках сдающего. Наконец очередь дошла до Джеральдина, сидевшего слева от принца. Он перевернул свою карту. Это был туз, но туз червей.

Когда принц Флоризель увидел перед собой на столе свою будущность, сердце его остановилось. Он был отважным человеком,

но по лицу его градом катился пот. У него было ровно пятьдесят шансов из ста на то, что он обречен. Принц перевернул карту, и это оказался туз пик. Гулкий ропот наполнил его голову, стол поплыл у него перед глазами. Он услышал, как сидящий справа от него игрок разразился не то радостным, не то разочарованным смехом, увидел, как торопливо расходятся игроки, но в ту секунду у него были совсем другие мысли. Он понял, каким непростительно глупым, даже преступным было его поведение. Совершенно здоровый, в расцвете лет, наследник трона, он проиграл свое будущее, а вместе с ним и будущее мужественной и преданной ему державы.

— Боже, — вскричал он. — Боже, прости меня!

И вместе с этим криком смятение чувств оставило его, и почти сразу к нему вернулось самообладание.

К его удивлению, Джеральдина рядом с ним не оказалось. В карточной комнате не было никого, кроме его будущего убийцы, слушавшего указания председателя, и молодого человека, раздававшего пирожные, который скользнул к принцу и зашептал ему на ухо:

— Я бы отдал миллион (если бы он у меня был) за то, чтобы оказаться на вашем месте.

Когда молодой человек ушел, его высочество не смог удержаться от мысли, что готов был уступить эту возможность и за гораздо меньшую сумму.

Наконец негромкое совещание закончилось, человек, которому выпал трефовый туз, с многозначительным видом вышел из комнаты, а председатель подошел к несчастному принцу и с улыбкой протянул руку.

— Было приятно познакомиться с вами, сэра, — сказал он. — Рад, что смог оказать вам эту незначительную услугу. По крайней мере, на задержку вы не можете жаловаться. Надо же, на вторую ночь!.. Вот так везение!

Принц попытался произнести что-то в ответ, но в горле его пересохло, а язык точно одеревенел.

— У вас слегка закружилась голова? — участливо поинтересовался председатель. — Ну, это почти со всеми происходит. Не хотите немного бренди?

Принц молча выразил согласие, и тот мигом плеснул коричневатой жидкости в бокал.

— Несчастный старина Мальти! — воскликнул председатель, когда принц влил в себя содержимое бокала. — Он выпивал почти пинту, но даже это ему не помогало.

— Я более восприимчив к лечению, — сказал принц, заметно оживившись. — Как видите, я пришел в себя. Итак, что мне теперь нужно делать?

— Вы пойдете по Странду по направлению к Сити по левой стороне, пока не встретите джентльмена, который только что покинул комнату. Он передаст вам остальные инструкции. Будьте любезны выполнить их в точности, поскольку сегодня вечером он наделен полномочиями представлять клуб. Ну а теперь, — добавил председатель, — приятной прогулки.

Флоризель довольно нескладно ответил на пожелание и попрощался. Он прошел через курительную комнату, где почти все, кто сидел за игровым столом, все еще поглощали шампанское, часть которого он сам перед началом игры заказал и оплатил. Неожиданно принц заметил, что в душе проклиняет этих людей. В прихожей он надел шляпу и пальто, потом выбрал свой зонтик из стоявших в углу. Привычность этих действий и мысль о том, что он совершает их в последний раз, отчего-то заставила его рассмеяться. Смех этот самому Флоризелю показался неестественным и неприятным. Он вдруг почувствовал нежелание выходить из прихожей и повернулся к окну. Вид фонарей и уличной тьмы привел его в себя.

«Успокойся, — приказал он себе. — Будь мужчиной и выходи».

На самом выходе из тупика трое мужчин навалились на принца Флоризеля и бесцеремонно затолкнули его в экипаж, который в ту же секунду рванул с места. В салоне сидел человек.

— Надеюсь, ваше высочество простит мое рвение? — произнес хорошо знакомый голос.

Вскричав от облегчения, принц бросился на шею полковника.

— Господи, как же мне благодарить вас? — воскликнул он. — Но как вам удалось это организовать?

Несмотря на то что принц собирался решительно и достойно встретить свой удел, он был необыкновенно рад поддаться дружескому насилию и снова вернуться к жизни и надежде.

— Если ваше высочество в будущем воздержится от таких рискованных затей, — ответил полковник, — это будет для меня лучшей благодарностью. Что же касается вашего второго вопроса, все очень просто. Сегодня днем я связался с одним известным сыщиком. За соблюдение тайны я ему заплатил. В деле участвовали только ваши собственные слуги. Клуб на Бокс-корт был окружен уже с вечера, и этот экипаж (тоже из ваших личных) около часа дожидался вашего выхода.

— А то жалкое существо, которое должно было лишить меня жизни? Что с ним? — осведомился принц.

— Его скрутили, как только он вышел из клуба, — ответил полковник. — Сейчас он дожидается вашего приговора во дворце, где вскоре к нему присоединятся его сообщники.

— Джеральдин, — молвил принц. — Вы спасли меня, нарушив мои строжайшие указания, и поступили правильно. Я обязан вам не только жизнью. Вы преподали мне хороший урок, и я буду считать себя недостойным занимаемого мной положения, если не выражу благодарность своему учителю. Выберите сами, в какой форме мне это сделать.

Какое-то время все молчали. Экипаж продолжал мчаться по улицам, а двое мужчин думали каждый о своем. Первым нарушил тишину полковник Джеральдин.

— Ваше высочество, — сказал он, — в вашем распоряжении к этому времени уже находится большое число арестованных. И по крайней мере один из них требует справедливой кары. Данная нами клятва запрещает нам обращаться к официальным представителям закона, и осторожность высшего порядка не позволит этого сделать, если бы даже обещание было нарушено. Могу ли я поинтересоваться, как ваше высочество намерено поступить?

— Решено, — ответил Флоризель. — Председатель должен пасть на дуэли. Остается только выбрать ему противника.

— Мне было позволено самому назначить себе награду, — сказал полковник. — Не позволит ли мне ваше высочество просить назначить на это задание моего брата? Это почетная миссия, но я смею уверить ваше высочество, что парень оправдает возложенное на него доверие.

— Вы просите меня о неслыханном снисхождении, — сказал принц, — но я обещал вам ни в чем не отказывать.

Полковник горячо поцеловал его руку, и в тот же миг карета въехала в арку роскошной резиденции принца.

Спустя час Флоризель, в официальном костюме, при всех орденах Богемии, принял у себя членов Клуба самоубийц.

— Несчастные глупцы, — молвил он. — Те из вас, кого заставила ступить на эту порочную тропу нужда, получают работу и оклад. Те, кого мучает чувство вины, должны обратиться к властителю более могущественному и щедрому, чем я. Мне жаль всех вас намного больше, чем вы можете представить. Завтра каждый из вас расскажет мне о себе, и чем откровеннее будут ваши ответы на мои вопросы, тем проще мне будет избавить вас от ваших невзгод. А что касается вас, — добавил он, поворачиваясь к председателю. — С моей стороны было бы бестактно навязывать вам какую бы то ни было помощь. Но вместо этого я могу предложить вам развлечение. Вот, — он положил руку на плечо младшего брата полковника Джеральдина, — мой офицер, который желает отправиться в небольшое путешествие по Европе, и я прошу вас, в качестве одолжения, сопроводить его в поездке. Вы хорошо стреляете из пистолета? — продолжил он изменившимся голосом. — Я спрашиваю, потому что это умение может вам пригодиться. Когда двое мужчин путешествуют вместе, лучше ко всему быть готовым. Позвольте добавить, что, если случится так, что вы по дороге случайно потеряете юного мистера Джеральдина, я всегда найду человека, который заменит его. И хочу предупредить вас, господин председатель, что у меня очень длинные руки.

Этими произнесенными самым суровым тоном словами принц закончил свое обращение. На следующее утро члены клуба были облагодетельствованы щедрой рукой принца, а председатель отправился в путешествие под присмотром мистера Джеральдина, а также пары сноровистых и преданных придворных слуг. Малого того, верные агенты принца заняли дом в тупичке Бокс-корт, и отныне все письма, приходившие в Клуб самоубийц, и все его посетители наравне с управляющими проверялись лично самим Флоризелем.

На этом, говорит мой арабский рассказчик, заканчивается история молодого человека с пирожными, который сейчас живет, не зная нужды, на Вигмор-стрит неподалеку от Кэвендиш-сквер. Номер его дома я по понятным причинам не назову. Те, кому интересно узнать

продолжение приключений принца Флоризеля и председателя Клуба самоубийц, могут прочитать «РАССКАЗ О ДОКТОРЕ И ДОРОЖНОМ СУНДУКЕ».

Рассказ о докторе и дорожном сундуке

Молодой американец мистер Сайлас Кью Скэддемор был простодушен и совершенно незлобив, что делало ему еще больше чести, поскольку родом он был из Новой Англии, той части Нового Света, которая славилась отнюдь не этими качествами. Обладая довольно крупным состоянием, он тем не менее записывал все свои расходы в карманную записную книжку, а Париж предпочитал познавать с высоты седьмого этажа, из окна своего номера недорогой гостиницы, расположенной в Латинском квартале. Бережливость его во многом объяснялась привычкой, а добродетели, столь ценимые его товарищами, были следствием неуверенности в себе и молодости.

По соседству с ним жила леди, привлекавшая его внимание своей красотой и элегантностью туалетов. Когда мистер Скэддемор первый раз увидел свою соседку, он принял ее за какую-нибудь графиню. Со временем он узнал, что известна она была под именем мадам Зефирин, и, каким бы ни было ее положение в жизни, к дворянскому сословию оно не имело никакого отношения. Мадам Зефирин, быть может, в надежде очаровать юного американца, встречаясь с ним на лестнице, каждый раз замедляла шаг, вежливо кивала и произносила два-три слова приветствия, неизменно сопровождавшиеся проникновенным взглядом черных глаз, после чего исчезала в шуршании шелка, приоткрыв напоследок изящную стопу и лодыжку. Однако сии авансы не только не подталкивали мистера Скэддемора к каким-либо решительным действиям, но даже, напротив, ввергали его в глубины уныния и застенчивости. Она несколько раз навевалась к нему за огнем или для того, чтобы извиниться за вымышленные шалости своего пуделя, но в присутствии существа столь возвышенного рот его утрачивал способность открываться, все известные ему французские слова в один миг вылетали у него из головы, и он мог только стоять и, не сводя с нее глаз, мямлить что-то невразумительное до тех пор, пока

она не уходила. Эфемерность их отношений никоим образом не мешала ему выставлять себя в самом выгодном и даже неожиданном свете, когда он оставался в безопасной мужской компании.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

BOOK2GO
ЕЛЕКТРОННІ КНИГИ

КУПИТИ